

3 **Кружокор** 68

ВМЕСТЕ

Галина ШЕРГОВА

О, как хочется человеку овладеть распорядком бытия!

...И наступает день, когда человек твердо знает, как устроена жизнь вокруг. Он знает, когда время идти дождям и время опускаться снегу, знает время трудов и время праздности, время познавать и время раздавать постигнутое. И пусть открывшееся уже знали десятки поколений, человеку необходимо собственное ощущение порядка.

Ему кажется тогда, что он обуздал бытие.

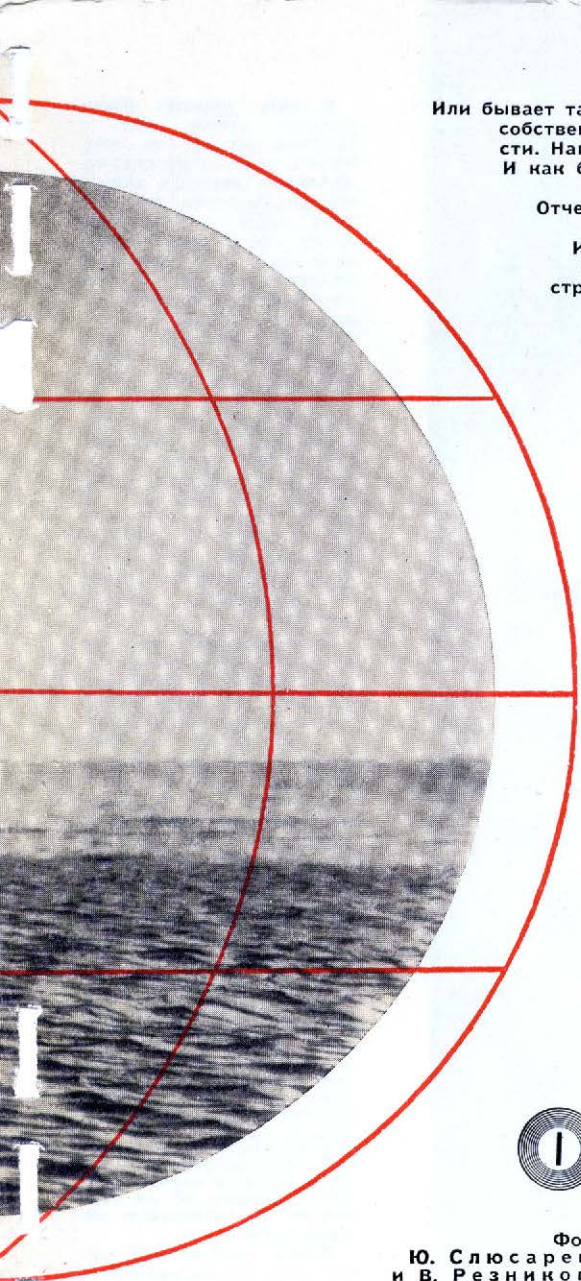
Но вдруг в какой-то день все смешивается: заморозки пробегают дрожью по июльской земле, или цветение охватывает январскую ветвь. Стройное целое вдруг разбивается в осколки хаоса. Для него, для этого самого человека.

Однако — странно! — человек, так стремившийся установить для себя ход событий, вовсе не впадает в отчаяние от подобного нарушения порядка, он почему-то испытывает счастье от созерцания рухнувшей привычности. Он отыскивает новые привилегии в случившемся. «Я был слеп, — думает он, — считая, что могу увидеть только то, что видят все». Или: «Если бы стройный порядок целого вдруг не распался на тысячи кусков, я бы не узнал, как многозначно бытие».

Что же стряслось с человеком? Ничего. Просто в этот момент жизнь Мужчины пересекла Женщину. И хотя приход ее смешал все привычности существования, он не уничтожил закономерностей. Он лишь заменил Порядок Гармонией. И человек идет навстречу непостижимому и радуется тому, что не знает точного расписания событий, ожидающих его.

Таковы законы поэзии.

Или бывает так. Сложная, пусть даже трудная жизнь обступает человека. Призрак собственной гибели смотрит в лицо ему. А человек не испытывает растерянности. Напротив, скрытый в нем запас прочности и сопротивления стал силой. И как бы ни раскачивалась земля, человек ощущает твердую устойчивость почвы.

Отчего это? Просто рядом с Мужчиной стоит Женщина. И он чувствует, что она не только рядом, она заполняет его душевный мир.

И тогда мужчина легко способен отогреть ладонями мерзлый бетонnej стройки и сделать обитаемой вчерашнюю пустошь, он может стремительнее раззять микромир атома и оставить в звездных дальях вереницу человеческих следов, он готов создать полотна и звучные строфы.

И хотя говорят, что наш рациональный век потеснил чувства,— не верьте в это. Ведь никогда прежде женщина не была так близка к трудам, вершимым мужчиной, и если они строят мир вместе, значит, и она разделит беспокойство его души и разума. Когда говорят об этом, часто слышны возражения: «Нет, так не бывает». Кто-то даже сказал: «Я дважды был женат, но все, о чем вы твердите, выдумки старомодных стихотворцев».

Но нет! Просто жизнь этого мужчины еще не пересекла Женщины. Ведь бытовые обязанности существования часто не становятся ее приходом.

Чтобы встретить ее, нужно немного. Нужно просто быть Мужчиной. И нужно не закрывать себя для поэзии даже в утомительной текучести будней.

А поэзия, как земля, пребывает вовеки.

Фото
Ю. Слюсарева
и В. Резникова

снежное пробуждение

А. ЛАРИОНОВ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

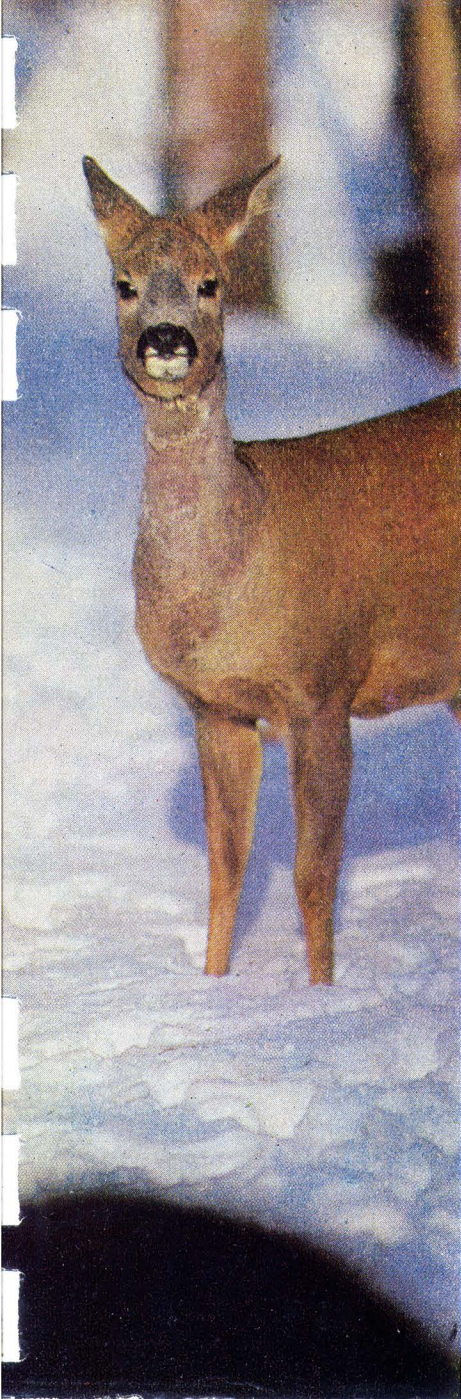
В окно залезли молодые сосны. Они с грустью скребут по стеклу и в тант ветру стучат, наполняя комнату знакомыми с детства звуками леса, покоя и безмятежности. А на дворе оглушительное безмолвие. Воздух здоровый и так пронизан настоем кислорода, что городской житель испытывает легкое недомогание. А сон крепкий, без утомительных сновидений.

Просыпаешься поздно, когда рассвет уже вызрел. Солнце над лесом поднимается к полудню. Краснотелое, размытое по краям. В этот час оно даже чуточку припекает, ровно, мягко, особенно со спины, проникая через все утепления зимней одежды.

Ночью выпал снег. Все стало бело-розовым: и лес, и воздух, и даже звери. Егеря и лесничие в эти дни ведут учет зверя по пороше. На лесных просеках считают следы. А потом главный охотвед посмотрит в свои справочники, таблицы и объявит, сколько оленей, косуль, кабанов, лосей, лисиц, зайцев населяет Пущу. Зверь в эти дни затаился, залег, отстаивается, как говорят, потому необходимо выждать, сообразуясь с природой.

Мы с егерем И. И. Дanelюком проторили свежую дорожку от лежки кабанов через просеки к кормушке оленей. Колесим по лесу. Иван Иванович всячески выказывает свою охоту и стремление помочь мне в корреспондентском деле. Его рассказ о лесных тайнах, о зверях, об их хитростях я записываю на магнитофон.

Звери необычайно любопытны. Олень выскочит

на просеку, замрет. Ждет терпеливо, разглядывая в упор, не выражая беспокойства. Потом легко прыгает в чащу, высокими ногами глубоко погружаясь в снег. Кабаны, те сварливы, человек их раздражает, они сердятся и злобно ворчат. В декабре у них брачная пора. Диким воплем наполняется лес. Здесь сильный — властелин!

Бронзовые от загара сосны, пирамиды высооченных елей, резко очерченные узоры ветвистых дубов поражают строгостью, вековой старостью. И среди этого хаоса и ослепительной красоты что-то вечно отмирает, а что-то обретает жизнь.

Иван Иванович поторавливает меня (на базе

профсоюзное собрание). Выходим на лесную дорогу, глухую, пустынную. К шести часам сумеречная пелена падает на землю, и сразу же из-за леса, с дальнего края его, поднимается желтое огниво.

Лес редет, заливается смешанно-голубым светом. Напряженное ожидание чего-то неожиданного не покидает тебя, и в приглушенном голосе леса, покинутого коротким днем, словно в вечно падающем потоке, чудится что-то тревожное, настроженное. Как и вчера, как и тысячи лет назад...

Беловежская
Пуща, БССР.

Фото
Л. Лазарева

Очерк военного корреспондента Н. Чуковского о Герое Советского Союза Игоре Каберове (в романе «Балтийское небо» — он Игорь Кабанков) датирован 42-м годом. На рукописи пометка летчика: «Все факты изложены правильно».

Николай ЧУКОВСКИЙ

В БАЛТИЙСКОМ НЕБЕ

Он гвардии капитан и прославленный ас — сбил индивидуально и в группе 23 вражеских самолета...

...Перед войной, приехав из училища в полк, он привез с собой огромный баян и так на нем играл, что весь аэродром приходил слушать его. Теперь он играет на аккордеоне, — после того, как он сбил десятый вражеский самолет, Политотдел подарил ему аккордеон.

Он не только музыкант, но и поэт и художник. С первого дня войны ежедневно выпускал он «боевой листок» своей эскадрильи, лучший «боевой листок» Балтийской авиации.

Когда для работы над «листком» не было времени, Каберов сочинял его урывками, сидя на аэродроме под крылом своего самолета. «Боевой листок» Каберова выходил каждый день — даже в те дни, когда Каберов делал по пять-шесть боевых вылетов. На сотый день войны вышел сотый номер «листка».

...В его боевой деятельности была всего лишь одна неудача, но о ней он рассказывает гораздо охотнее, чем о своих многочисленных победах. Любимый его рассказ — как в начале войны он сделал попытку протаранить два «юнкерса» сразу и как из этого ничего не вышло.

«Они пытались спрятаться от меня в облака, эти «юнкерсы», — рассказывает он. — Врешь, думаю, сволочь крестатая, не уйдешь! Я бросился на того из них, который был ближе. Опыт у меня еще небольшой, и мне немного страшно... Швыряя из стороны в сторону свою послушную машину, стреляя, я разбил «юнкерсу» правый мотор. «Юнкерс» горит. Но стрелок все еще бьет в меня. Я бросаюсь на него сверху, нажимаю на гашетки... Я убил стрелка на «юнкерсе», но мои пулеметы внезапно отказали — боезапас кончился. Отойдя в сторону, я увидел, как «юнкерс», избитый, продырявленный, уходил на одном моторе.

И вдруг, смотрю, второй «юнкерс» сбавил скорость и стал поджидать своего товарища. Вот они построились рядом, совсем близко, почти касаясь друг друга. И уходят. А у меня ни одного патрона. И я решил таранить снизу крыльями своего самолета оба «юнкерса» зараз — одного одним крылом, другого — другим...

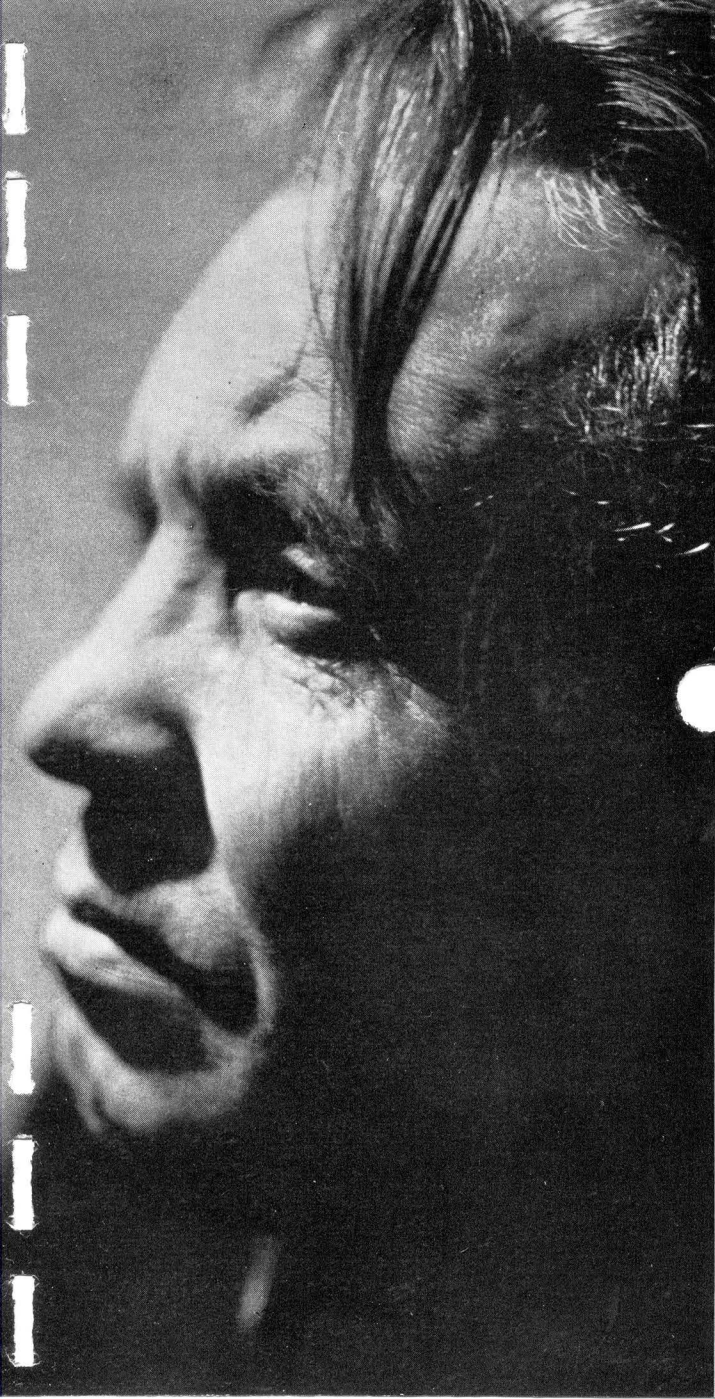
Я успел заметить длинные красные жгуты пуль, скрестившиеся у самого моего мотора. И невольно закрыл глаза. Сухой треск. И тишина... Я жду, когда оторвутся мои крылья.

Но крылья не отрываются. Я открыл глаза. «Юнкерсы» успели раздвинуться, и я, несчастный неудачник, проскочив между ними, беспомощно повис в воздухе...

...Осенью 1942 года, за несколько месяцев до прорыва блокады Ленинграда, Каберов стал командиром эскадрильи. Вся эскадрилья его состояла из необстрелянных молоденьких летчиков, прибывших в полк на пополнение.

В эти дни, прикрывая с воздуха наши войска, прорывавшие блокаду Ленинграда, Каберов сбил двадцать второй и двадцать третий вражеский самолет. Вот как он сам об этом рассказывает:

«Повел я шестерку своих молодых летчиков на прикрытие наших войск... И вдруг по радио мне говорят с земли:

— Будьте внимательны. В воздухе истребители противника.

...Я вел за собой летчиков, молодых, необстрелянных, еще не встречавшихся с «мессершмиттами», и внимательно следил за ними. И вдруг внизу, на снегу, заметил тени самолетов...

Я передал по радио своим товарищам:

— Внимание! Иду в атаку. Следите за мной.

Мы шли к «мессершмиттам» со стороны солнца, и немцы долго не видели нас. Наконец они нас заметили и рванули свои машины вверх. Но было уже поздно. С дистанции в двадцать—тридцать метров я дал по ведущему «мессершмитту» первую очередь. Он перевернулся. Дым окутал его.

Пока я дрался с ведущим «мессершмиттом», ведомого атаковали два моих молоденьких ученика — Шилков и Прасолов. Это был их первый бой... Они дрались превосходно, умно, разве только стреляли немного больше, чем следовало.

Направляясь в обратный путь, на свой аэродром, мы встретили шестерку наших самолетов, которая шла нам на смену. Я слышал, как голос директора с земли предупреждал их:

— В воздухе находятся истребители противника, но я почему-то их не вижу.

— Больше и не увидите,— ответил я по радио,— оба сбиты».

Первый из этих двух «мессершмиттов» был двадцать второй вражеский самолет, сбитый Каберовым с начала войны. На следующий день он сбил двадцать третий самолет, легкий немецкий бомбардировщик «мессершмитт-110»...

25 ЛЕТ СПУСТЯ

В свое время, еще до войны, Игоря Александровича Каберова приняли в училище с ограничением: «Летать — летайте, только без прыжков с парашютом». Но он пристрастился и прыгал — и молодым летчиком и когда был командиром полка.

После демобилизации Каберов уехал на родину жены, в Новгород (сам он вологодский), определился директором аэропорта. До сих пор томится по небу.

Старший сын Игоря Александровича кончает военное училище, летчиком будет. Младший собирается в армию.

«Будет ли по семейной традиции летать? — говорит Каберов.— Ну, это как захочет. Главное, чтобы был человеком...»

С. ЗИНИН
Фото автора

...Ландо и старенькая кобылка Розы, молодой гениальный Штраус и красавица Карла Доннер, поющая тут же сочиненный вальс, размахивающая шляпой, похожей на гнездо с лентами; и «добряк» Франц-Иосиф, а рядом Иоганн Штраус, уже старый, на балконе перед восторженной, признательной толпой милых, добрых венцев. «Большой вальс!»! Может быть, ничего этого и не было — что ж, простим кинорежиссеру! Но Вене хочется, чтобы так было! Я уже не столица огромной империи, как бы говорит она, но я останусь столицей веселья и изящества, музыки. У меня больше нет пышных фельдмаршалов, нет блистающих эрцгерцогов, нет гвардейцев в белых колетах, но у меня остались мои вальсы!

И каждый год Вена гадает вальсы. Перед рату-

бурая листва на деревьях. Нас возят по традиционным туристским маршрутам: Шёнбрунн, кафедральный собор, Пратер. И памятники, памятники, памятники... Фельдмаршал таной-то (ох, как победительно глядит он на нас со своей лошади, а ведь ни одного сражения не выиграл!), эрцгерцоги и просто герцоги, генералы, Мария-Терезия, Франц-Иосиф, и просто Франц, и просто Иосиф, и снова памятники былой славы, былого бесславия.

И обычный дом, лестница, наверхух квартиры таблички: «Шмидт», «Крафт», «Мюллер» — и воткнутое в дверные щели открытий, конверты, старые журналы, адресованные Крафту, Мюллеру.

И только на самом последнем этаже — «ЛЮДВИГ ВАН БЕТХОВЕН».

Неуживчивый характер заставлял Бетховена часто менять квартиру. В

5

ИЗ СКАЗОК

шей, прямо на площади, венский балет исполняет штраусовский «Голубой Дунай» — так начинается ежегодный Венский фестиваль. А потом все площади, все парки Вены становятся эстрадными площадками, и — всюду вальсы!словно с самого раннего утра встает над своим городом Иоганн Штраус, взмахивает палочкой, и, послушная взмаху, вся Вена начинает — раз, два, три — айн, цвай, драй — кружиться, плыть, вальсировать.

Иоганн Штраус вспомнился мне еще раз. В Маутхаузене. В этом страшном лагере эссовцы казнили заключенных под звуки вальсов. Жестокость и sentimentalность стояли в одном ряду...

Сейчас в Вене туман, редкое солнце, редкая

Вене можно найти не одну мемориальную доску. Но мемориальные комнаты сохранились только на Мельнерпастер 8, где Бетховен прожил одиннадцать лет — годы «Фиделио», «Русских квартетов», «Кориолана», «Эгмонта», Пятой симфонии и «Аппassionаты». Две полупустые комнаты и то немногое, к чему прикасалась рука Бетховена: ключ для настройки рояля, кожаная сахарница, несколько партитур, карандашных рисунков, писем, любимый рояль. Вот и все. Бедные вещи, бедная экспозиция и очень точное ощущение, словно вот сейчас в дверь этой комнаты постучится судьба — и начнется рождение Пятой симфонии...

Он поднимался по этой лестнице, наверное, отдыхал по пути, — все-таки высоко. Можно так же,

как он, подойти к окну и увидеть то, что видел он... Можно даже прикоснуться к роялю и сыграть на нем наши русские «Ах, талан, ты мой талан» и величальную «Славу», которые так не по-русски прозвучали в его «Русских квартетах».

Случилось так, что с Бетховеном мы встретились в городе другого великого композитора — в моцартовском Зальцбурге. Мы осматри-

открытое небо. Сопровождавший нас старый полный господин вдруг вышел на середину манежа и неожиданно высоким голосом запел из «Фиделио». Бывший певец — теперь зритель Фестивальхауза. Он рассказал, как ставилась опера Бетховена здесь, на открытой сцене, в 1929 году. Каждая арка галереи — камера узника. Луч прожектора выхватывал то одну, то другую фигуру, а во время хора узников освещалась вся скала.

В Фестивальхаузе и сейчас ставятся оперные спектакли. Руководит ими Герберт фон Караян, приглашая к участию лучших певцов мира. Недавно здесь звучали в его постановке «Борис Годунов» Мусоргского, «Электра» Рихарда Штрауса, «Кармен» Бизе...

Да, многое изменилось в жизни Австрии, но неизменной осталась ее

О ВЕНСКОМ ЛЕСЕ

вали Фестивальхауз — бывшие епископские конюшни. Многозальное здание пристроено прямо к отвесной скале. Открытая сцена — бывший манеж. В скале сырблено несколько ярусов галерей. Отсюда зрители смотрели на верховую езду. Теперь галереи стали сценой, манеж — местом для оркестра. Крыша —

любовь к музыке, прекрасной музыке знаменитых венцев Гайдна, Шуберта, Малера, Брукнера, всех Штраусов.

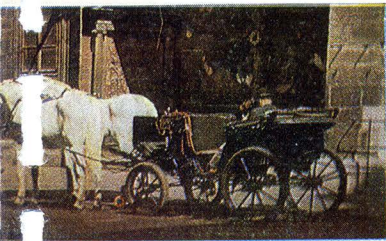
И даже гид, который возил нас по Австрии, звался Рихард Вагнер.

Л. КРЕНКЕЛЬ,
специальный
корреспондент
«Кругозора»
Вена

На фото:
Памятник Иоганну Штраусу в венском городском парке.

Открытие фестиваля. Вальс «Голубой Дунай» на площади перед ратушей.

Вена. Середина XX века.

Светлана ЙОВЕНКО

«Крик юности должен вонзаться в грудь, как нож...»

Ф. Шрамек.

От нянек ласковых бежать, бежать, бежать!
От полуправд и уговоров — к черту!
Грань юности — мечты еще не стертые,
И руки в кулаки так просто сжать.
Грань юности — слова, как кровь — руда,
Они клокочут яростно и страстно.
И мир твой поделен на «нет» и «да».
Лишь «да» и «нет» в нем правят полновластно.
Но вдруг — расплата! Мщенье! Удар!
Мир черно-белый в сто цветов рядится.
И смято «нет», и отступает «да»,
И ни одна тирада не годится.
Теперь ты на слова куда скупей!
Ты знаешь правду и ее подобье...
Держи умело прямоты своей
Натянутые, как струна, поводья.
Грань юности — томленью нет конца,
И крик в твоей душе подобен ране.
На грани закаляются сердца,
И голоса ломаются на грани.
На грани — выбор, бой! Встань и иди!
Не спрашивай ни друга, ни соседа.
И если крик живет в твоей груди,
Пусть и безмолвен, — он твоя победа.

Перевод с украинского
Е. Храмова.

Белла АХМАДУЛИНА

Алла АХУНДОВА

О жест зимы ко мне,
холодный
и прилежный.
Да, что-то есть в зиме
от медицины нежной.
Иначе как же вдруг
из темноты и муки
доверчивый недуг
к ней обращает руки?
О милая, колдуи!
Зацепит лоб мой снова
целебный поцелуй
колечка ледяного.
И все сильней соблазн
встречать обман
доверьем,
смотреть в глаза
и принимать собак
и к деревьям.
Прощать, словно
играть
с разбега, с поворота
и, завершив, прощать,
простить еще кого-то.
Свести себя на нет,
чтоб вызвать
за стеною
не тень мою, а свет,
не заслоненный мною.

Я верю в предсказанья
птиц
наветы.
Наверно, это я
на ветви
Росою с неба пала
ниц.
И ставлю крестики
ногами
Зеленая, потом
нагая...
Наверно, это я расту
Перед отлетом
в высоту.
Наверно, это я лечу,
И на щеках
случайных таю,
И волны круглые
катаю.
И рыбой медленно
кричу.
И камнем в городе
стою,
И мерзну рельсовым
желездом...
И до небес — семь верст,
все лесом —
Все этим голосом пою.

Корней ЧУКОВСКИЙ

ГОРЬКИЙ

Горького я впервые увидел в Петрограде зимою 1915 года.

Спускаясь по лестнице к выходу в одном из громадных домов, я засмотрелся на играющих в вестибюле детей. В это время в парадную с улицы легкой и властной походкой вошел насулпленный муж-

Одно — хмурое, тоскливое. В такие минуты казалось, что на этом лице невозможна улыбка, что там и нет такого материала, из которого делаются улыбки. И другое выражение, всегда внезапное, всегда неожиданное — празднично-застенчиво-умиленно-влюбленное. То есть та самая улыбка, которая за секунду до этого казалась немислимой.

Помню, в 1919 или 1920 году я слушал в Аничковом дворце его лекцию о Льве Толстом. Осудительное и жестко говорил он об ошиб-

слов: покинул кафедру и ушел в артистическую. Я бросился к нему и увидел, что он стоит у окна и, теребя папироску, сиротливо плачет о Льве Николаевиче. Через минуту он вернулся на кафедру и хмуро продолжал свое чтение.

Впоследствии я заметил, что такие внезапные приливы влюбленности бывают у него чаще всего, когда говорит он о детях, о каких-нибудь замечательных людях и книгах. К нам, сочинителям книг, он относился с почти невероятным, легендарным участием, готов был сотрудничать с каждым из нас, делать за нас черную работу, отдавать нам десятки часов своего рабочего времени, и, если писание наше не клеилось, мы знали: есть в СССР человек, который охотно и весело поможет не только советами, но и трудом...

●
М. ГОРЬКИЙ — О. Д. ФОРШ.
Сорренто. 5 сентября 1926 г.

...Я — давний и почтительный поклонник вашего добротного таланта и умного — удивительно умного! — сердца вашего... Меня, слышал, упрекают, что неразборчиво хвалю. Возможно, что это так и есть, ибо частенько я хвалю для того, чтоб «поддержать», раздуть огонек, может быть, вспыхнет пламя? Живу надеждой, вот-вот появится гений, столь необходимый нам сейчас. А художник особенно нуждается в друге.

Вам похвала моя, может быть, и не нужна, но — не могу не похвалить... Литературу люблю до самозабвения и писателя люблю. Какая еще есть радость, кроме любования талантом человека?..

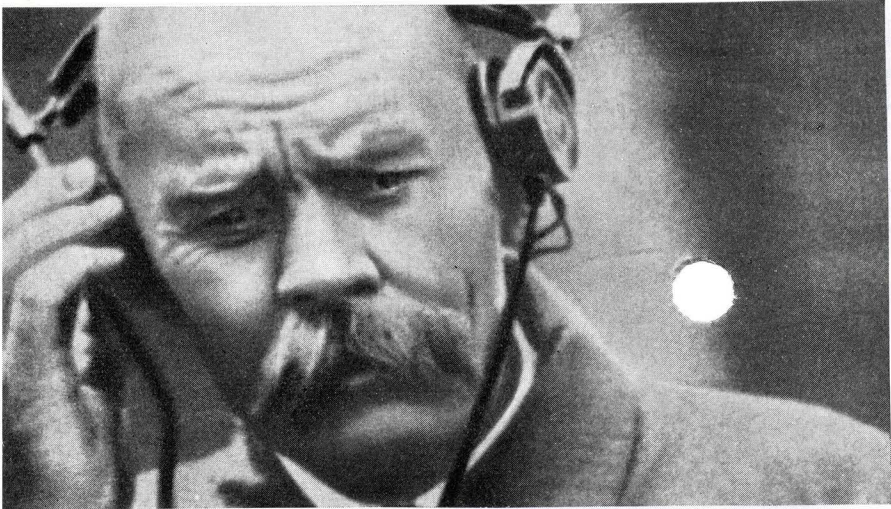
Крепко жму руку. А. Пешков.

●
М. ГОРЬКИЙ — А. П. ПЛАТОНОВУ.
Москва. Осень 1929 г.

Дорогой Платонов — о романе вашем («Чевенгур») я говорил с Берсеневым, директором 2-го МХАТа. Возникла мысль — нельзя ли — не можете ли вы переделать часть его в пьесу?..

Мысль эта внушена вашим языком, со сцены, из уст неглупых артистов он звучал бы превосходно. О возможности для вас сделать пьесу говорит и наличие у вас юмора, очень оригинального — лирического юмора...

Всего доброго. А. Пешков.

чина в серой шапке. Лицо у него было сердитое и даже как будто злое. Длинные усы его обледенели (на улице был сильный мороз), и от этого он казался еще более сердитым. В руке у него был тяжелый портфель огромных, невиданных мною размеров.

Детей звали спать. Они расшались, не шли. Человек глянул на них и сказал, не замедляя шагов: — Даже кит ночью спит!

В эту секунду вся его угрюмость пропала, и я увидел горячую синеву его глаз. Взглянув на меня, он опять насулился и мрачно зашагал по ступеням. Позже, когда я познакомился с ним, я заметил, что у него на лице чаще всего бывают эти два выражения.

нах Толстого, и чувствовалось, что он никогда не уступит Толстому ни вершка своей горьковской правды. И голос у него был недобрый, глухой и лицо тоскливо-неприятное. Но вот он заговорил о Толстом как о «звучном колоколе мира сего», и на лице его появилась такая улыбка влюбленности, какая редко бывает на человеческих лицах. А когда он дошел до упоминания о смерти Толстого, оказалось, что он не может произнести этих двух слов: «Толстой умер», — беззвучно шевелит губами и плачет. Так огромна была нежность к Толстому, охватившая его в ту минуту. Слушатели — несколько сот человек — сочувственно и понимающе молчали. А он так и не выговорил этих

**М. ГОРЬКИЙ —
Л. Н. СЕЙФУЛЛИНОЙ.**

Тессели, 19 ноября 1934 г.

Многоуважаемая татарка Лидия Сейфуллина, чертова кукла с глазами, как шарикоподшипники!

...Вы бы лучше писали побольше, да не писем к старикам, а — рассказов, повестей, даже роман следовало бы попытаться начать. Будучи глазастым человеком, вы, конечно, видите, что у нас в литературе уже вполне достаточно равнодушных, халтурщиков — и — вообще — паразитов пролетариата. Для вас было бы преступно включать себя в их стадо. Я вам еще раз повторю: вы человек талантливо чувствующий, и вы имеете все данные для того, чтоб талантливо знать, талантливо различать нужное от ненужного, находить в навозе жизни ее жемчужные зерна... Пока — до свидания! Спасибо за письмо.

Литераторы должны любить друг друга вовсе не так, как собаки любят. Или — петухи. Верно? Жму лапу.

Негудилл Хламида. Он же М. Горький (А. Пешков) и Джонатан Шекспир.

**М. ГОРЬКИЙ —
Т. В. ИВАНОВОЙ.**

Тессели, 10 января 1936 г.

Дорогая Тамара Владимировна! Вам хотелось бы «прийти в гости» в Тессели?. Всеволуду я написал, что здесь слякоть, бури, землетрясения, но — это я для того, чтоб он знал: ворчать я умею не хуже его... Юпитер Иванов сердится на мои длинные письма? Скажите, чтоб не сердился, а то буду писать ему по два раза в неделю.

Вообще жить надо благосклонно к природе, к советской власти и даже к родственникам своим. А то вот ребяташки Игарки, находящейся черт знает где, сообщают мне, что они «дневной свет видят только три часа, остальное время — полярная ночь, морозы, пурга». Не уродно ли Вам этот финик принять? Но — ребяташки не жалуются, а хвастаются. Да. Так что — приезжайте! Пускай Юпитер захватит с собой бумаги, чернил, перьев, и мы будем писать комедию.

Желаю Вам доброго здоровья.
А. Пешков.

Слушайте речь
А. М. Горького
на первом
Всесоюзном съезде
советских писателей.

а рядом в телогрейке синей работала его богиня...

Фото
Н. Суровцева

Хахетия, Алазанская долина. Вокруг горы, шесть-семь-восемь кулис, облака, как веретено, и над ними еще выше снега — под самым небом.

Алавердский собор — белый лайнер, плывущий по долине и видный отовсюду. Рядом с ним через Алазань два села: Верхнее и Нижнее Алвани. Это села тушинов-горцев, тех, что каждое лето поднимаются со стадами домой, к себе в горы, к самым вершинам Большого Кавказа.

В воскресный день улицы обоих Алвани создают ощущение праздника. Со всех балконов свешиваются пестрые полотнища: обычные ковры — пардачи, войлочные ковры — натеди, ковры с изображением животных. Все это сделано длинными зимними вечерами руками бабушек и внучек, матерей и дочерей тушинов. Наверное, так же из поколения в поколение работали их прародительницы. В этих войлочных узорах и наивность, и сложность, и мудрость веков. Они вызывают самые неожиданные ассоциации — цветные созвездия, эти олени, кони, линии, квадраты, круги...

РАДУГА ИЗ АЛВАНИ

Я уверен: в будущем нашем обществе художественный профессионализм станет достоянием каждого человека. И оттого, что каждая тушинская женщина — творец, художник, женщины эти — прообразы будущего. Ведь в них заключено то самое вдохновенное отношение к жизни, образное восприятие ее, которое делает человека поэтом. А здесь — каждого.

Виктор ДЖОРБЕНАДЗЕ, архитектор

Тбилиси

Это случилось много лет назад. Женщин в то время еще не допускали в университеты, и для них были открыты особые Высшие женские курсы, в Петербурге — имени Лесгафта, а в Москве — Герье. Мы с сестрой были курсистками и жили в маленькой московской комнатухе, почти пустой от мебели. Угощать было нечем, но гости к нам хаживали; среди гостей были Андрей Белый (Боря Бугаев для нас), Рахманинов, Владя Ходасевич. Последний звал нас «гофманские сестры»: так много фантастичного приключалось с нами в этой комнате. Он ходил к нам особенно часто. Иногда просто просовывал в дверь свое последнее стихотворение, подписанное «Неизвестный доброжелатель», а чаще сидел среди комнаты на одинокой тумбочке, пытаясь поджать тонкие, как спички, ноги, и читал нам Пушкина.

Владя Ходасевич был в те времена неимоверно худ, с сухими и серыми, втянутыми внутрь щеками и колючими маленькими глаз-

ДВЕ «МУЗЫ»

Из воспоминаний

ками из-под пенса. Он болел туберкулезом позвоночника, его лечили растягиванием на каком-то специальном больничном аппарате. Боялся людей и сторонился их. «Мне всегда кажется, что люди обращены ко мне угрожающе, словно жерла пушек», — признался он нам. Но Пушкина читал Ходасевич так, как никогда потом ни от кого я подобного чтения не слышала. И вот однажды он прочел нам «Музу» — не прочел, а почти излил в звук:

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
— Семь стволов! Запомните. И «цевница» не звучит архаически, наоборот, это инструмент будущего...
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким сиважинам пусто тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,

И песни мирные фригийских пастухов.

— Поэт пробует — слабо падают отдельные звуки; потом возникают важные гимны, утро музыки, средневековые лады. Вторгается современность — пастораль. Постепенно заговаривают под слабыми перстами первый, второй, третий стволы тростника...

Прилежно я внимал урокам девы тайной;

И, радуя меня наградою случайно,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:

Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

— Сама берет свирель — и заговаривают все семь стволков, заговаривают божественным дифирамбом!

Мы были потрясены чтением Ходасевича. До сих пор помню его интонации в каждой строке этого бессмертного стихотворения. Владя рассказал нам, что Пушкин вдохновился темой французского поэта Андрэ Шенье об уроке игры на флейте, но из простого урока музыки Шенье он сделал урок поэзии, урок каждого искусства вообще, глубочайший по красоте и смыслу.

В те дни я дружила с Рахманиновым и «препарировала», как он

тогда выражался, тексты для его романсов, стараясь изгнать из его стихотворного «репертуара» поэтов Галину, Ратгауза и Надсона.

На следующий день мы встретились с Рахманиновым, и я «начитала» ему пушкинскую «Музу» полностью, так, как начал ее нам Владя Ходасевич. Сергей Васильевич тотчас загорелся. Он положил «Музу» на музыку. И посвятил свой романс мне. Я была для него в те дни нашей дружбы ноткой Re; «Муза» так и напечатана с посвящением RE.

На этом судьба ее в музыке не окончилась. Когда романс был на-

печатан, я показала его Николаю Карловичу Метнеру и опять передала ему рассказ Влади Ходасевича. Николай Метнер был, как и Рахманинов, сразу захвачен пушкинским текстом. Но он понял его глубже и шире, как-то раздвинул во времени: от первых звуков свирели в пастушьих ладах (они падают стеклянно-отчетливо, «звон — сква...») до ликующего полнозвучного дифирамба под перстами самой богини искусства.

Мариэтта ШАГИНЯН

От редакции. Написав романс «Муза», Н. К. Метнер посвятил его тоже Мариэтте Сергеевне Шагинян.

ДУША ПОРТУГАЛИИ

Знаете ли вы, что такое фадо? Это португальские песни. Их сочиняют поэты и композиторы, а чаще сам народ. Фадо — душа Португалии! Они бывают печальными и веселыми, добрыми и гневными... В Лисабоне и Порто, Коимбре и Сетубале, да и не только в городах, — почти в каждой де-

вали или дремали. А сидевший в углу человек невысокого роста бережно достал гитару и, тихо перебирая струны, стал напевать какую-то мелодию...

Моего соседа по креслу словно подбросило. Он улыбнулся, просиял:

— Вы знаете, что он играет? Это ведь фадо,

...Однажды в Лисабоне его схватила ПИДЕ — тайная полиция Салазара. Десять месяцев с группой политзаключенных он томился в одной из камер крепости Кашиас... Узники решили бежать через зарешеченный потолок. Но для этого надо было перепилить стальные брусья, вынуть толстые стекла. Инструмент был тайно переправлен с воли, а пилили... под фадо.

Играя в либерализм, начальник крепости порой разрешал заключенным, оправившимся после пыток, петь. И они пели. Утром, днем, вечером. Охрана привыкла к певцам и не обращала внимания на эти концерты. В точно назначенный день узники под громкое фадо перепилили решетки и бежали.

...Я вспомнил эту удивительную историю, размышляя над тем, как представить вам, читателям и слушателям «Кругозора», только что родившуюся в революционном подполье Португалии прекрасную песню, которую, видимо, тоже можно отнести к жанру фадо. Песня называется «Октябрь». Она написана португальскими патриотами поэтом Мануэлом Алегре и композитором Мануэлом Руэла к 50-летию Октября. Юная певица Луиза Башто разучила и исполнила ее. Песню записали на пленку в канун юбилея и доставили из португальского подполья в Москву в дар советскому народу.

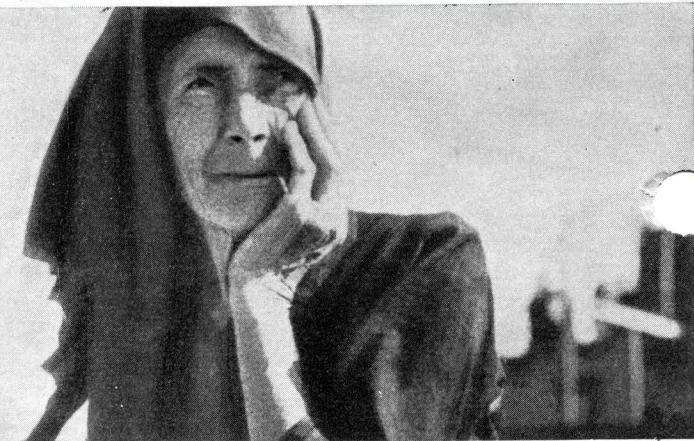
Мануэл Алегре — один из талантливых молодых поэтов Португалии. Еще недавно он был офицером португальской армии в Анголе. Поняв антинарод-

ревне есть свои, здесь сочиненные фадо. Их поют на свадьбах и в дни рождения, в час пирушки и в трудную минуту испытаний.

...Это случилось в аэропорту. Метель надолго приземлила пассажиров, и метеорологи не обещали быстрого просветления. Каждый занимался своим делом: одни читали, другие играли в шахматы, нянчили детей, вязали, тихонько беседо-

наше лисабонское фадо! Интересно, откуда он знает наши песни? И не наш ли это брат-лисабонец?

— Многим в Португалии Салазара приходится скрывать свое место жительства, — продолжал мой собеседник. — А этот человек наигрывает фадо?! Ставлю сто против одного, что он бывал в Лисабоне и увез оттуда эту мелодию. Между прочим, не так давно фадо спасло мне жизнь...

ную сущность салазаровского режима, Алегре перешел на сторону антифашистов. Его арестовали, пытали, но Мануэл все-таки сумел вырваться из рук палачей.

Композитор Мануэл Руэла — известный в Португалии врач. Он написал много революционных, антифашистских песен. Ищейки из ПИДЕ рьяно охотились за ним и однажды схватили. Но доктор Руэла, создатель музыки

песни «Октябрь», сейчас тоже находится в действующих рядах антифашистов-патриотов.

Вот и все, что можно рассказать о песне, родившейся в подполье. Ее заключительные строки призывают: «Пусть всегда реет красное знамя!»

Наум МАР

Слушайте
шестую
звуковую
страницу

РАССВЕТ, ТОВАРИЦ!

Мирей Матьё гастролировала с мюзик-холлом «Олимпия» в Ленинграде. Дирижером оркестра «Олимпии» был Поль Мориа.

Из Парижа позвонил Гастон Бонер, один из директоров «Пари-матч», передал через меня: не может ли Мориа сочинить музыку к его стихам? Он, Гастон Бонер, написал их по впечатлениям от книги Оливье «Когда рассвет, товарищ» — книги о первом дне Октябрьской революции. Спеть песню он хотел попросить Мирей Матьё.

Мориа сразу же начал мурлыкать мотив. Мы ходили с ним по Ленинграду — вдоль каналов, вдоль мраморов и гранитов, бронзы, гнутых мостиков, по перекресткам равнинного города. Мориа напевал с утра до вечера. Потом мы заполучили у администрации гостиницы «Астория» ключ от пианино в банкетном зале, и после концертов мюзик-холла Мориа среди крахмальных скатертей, под роскошным светом канделябров наигрывал свою мелодию. Наконец он сказал мне: «Ты знаешь, кажется, написал».

Это была настоящая песня-поход, с отдавленным трепетом барабанных палочек, грозным началом и ликующим, маршевым центром — припевом.

Мирей Матьё сразу же поняла песню. Песня была в ее манере, и матовый, дрожащий, как струна, голос Мирей — напряженный голос мальчика на баррикадах — вел за собой вообразимый мощный хор мужчин-солдат.

Нам захотелось, чтобы с Мирей эту песню спел ансамбль Александрова. Я отнес ему текст. «О! Это я возьму себе!» — воскликнул Александров. Потом шутливо добавил: — Да! Но женщина?!»

Мирей вскоре уехала в Париж, где ее песня «Когда рассвет, товарищ», песня об Октябрьской революции, о последней ночи перед штурмом, вызвала на концертах огромный энтузиазм публики.

Ансамбль Александрова приехал на гастроли в Париж. В один из вечеров на концерт пришла Мирей Матьё и спела уже подготовленную ансамблем песню «Когда рассвет, товарищ» в давно задуманном сопровождении мощного русского солдатского хора. Это была сенсация.

А однажды во время концерта Мирей Матьё на сцену «Олимпии» стали вереницей подниматься русские солдаты и заняли весь просцениум. Ансамбль явился с ответным визитом к своей первой женщине-солистке.

В. МАРТЫНОВ

**СЕГОДНЯ ВЫ ВСТРЕТИТЕ
В НАШЕМ «КАБАЧКЕ»**
и признанных знаменитостей,
и робких дебютантов.
Не берусь предсказать,
кто из них доставит вам
больше удовольствия.
Загадочные картинки,
так изысканно украшающие
эту страничку,
я уверен,
настроят вас самым лучшим
образом на восприятие
богатейшей музыкально-
поэтической сокровищницы,
скрытой в бороздке
пластинки «Кругозора».
Более скромно я это
выразить не мог.

● Аида Ведищева достаточно известна, и все же сегодня в ее взгляде светится некая тайна, что-то невысказанное. Вы не находите?

● С какою бы пристальностью вы ни рассматривали эту монгольскую миниатюру, вам все равно не догадаться, куда и зачем едут эти трое, и вообще какое все это имеет отношение к нашему «КАБАЧКУ»?

● А этот кусок доски с шашками!.. Сколько в нем интриги! Что это? Простые?.. Стоклеточные?.. А вдруг — поддавки!.. Ведь все может быть... А сколько артистов, музыкантов, мелодий не представлено на этой страничке! Просто дух захватывает. Именно в этом состоянии духа я и открываю сегодня «КАБАЧОК 33 1/2 ОБОРОТА».

С уважением Зиновий ГЕРДТ

Ц. МАНСУРОВА,
народная артистка РСФСР,
профессор

СЛОВО И МУЗЫКА

Лет девять назад не приняли к нам в Щукинское училище Лену Камбурову. Ошибки при просеивании двухтысячного отряда абитуриентов неизбежны, и тем не менее они досадны.

Кто-то из студентов порекомендовал Лене зайти ко мне. Помню, я куда-то торопилась. Камбурова сказала: «Я вас провожу и почитаю по дороге». И пока мы шли тихими арбатскими переулками, она мне читала. Подряд Пушкина, Алексея Толстого, современную прозу, что-то из Винокурова. Помню, что я подумала: эта девушка стоит того, чтобы ее послушать всерьез.

И вот она пришла ко мне домой. Лена — из Киева. Она училась на инженера-обувщика, но сказала, что хочет быть на сцене. В ее чтении ощущалась острота ритма и тонкость полутонов. Я спросила: «Вы поете?» Она спела украинскую песню — интересную, нетрадиционную. Небольшой голос, но милый, и нюансы живые. Мне стало ясно: она больна мечтой о театре, прекрасно больна.

С училищем у нее не вышло. Потом я получила письмо, в котором Лена писала, что из Москвы не уехала, поступила разнорабочей на строительство клуба подмосковной станции Катуар, чтобы быть поближе к театрам, московским выставкам, к сцене... Ей было очень тяжело, но тем не менее она работала и училась. И так целый год. А потом Лену приняли в эстрадно-цирковое училище. Камбурова окончила его, и в телевизионной передаче выпускников театральных вузов она выступила лучше всех. Она была первая. Конечно, тут огромная заслуга ее педагогов, ну и способности сыграли свою роль.

То, что Лена делает сейчас, — нечто совершенно новое. Она читает и поет. На эстраде Камбурова начала с песен. Но между выступлениями фокусника и жонглера ее песни, наверное, было тесно, потому-то и обратилась она к радио, к композициям большого масштаба. Звучали стихи, но актрисе хотелось сказать что-то большее. И Камбурова начинала петь. В этом и есть, я бы сказала, ее собственная затея. Не люблю, когда употребляют термин «собственный почерк». Собственный почерк может быть и в чужом начинании. А это именно какие-то ее собственные затеи, свои какие-то пригорки и ручейки. А где она взберется на пригорки и где зальется ручейком, тут уже не угадаешь.

В чем причина ее успеха? Ну, прежде всего в чувстве меры, в жесткости отбора. Значит, ты способен выбрать автора, близкого тебе, чей текст скажет твоему актерскому сердцу нечто особое. Камбурова выбрала тексты и музыку Новеллы Матвеевой, Булата Окуджавы, стихи Петра Вегина, она поет песни Таривердиева. И она явно нащупывает тематическое единство своих композиций, посвящаемых ею либо поэзии, либо красоте.

Для профессионала всегда важны детали. Камбурова стремится к тому, чтобы слушатель или зритель не ощутил перехода — чрезвычайно тонкой границы между чтением и пением. Это удивительной трудности задача, требующая в работе над столь синтетическим жанром риска и смелости.

Фото А. Лидова

слушайте
в
номере

1. Женщине. Двухминутные признания скульптора Эрнста Неизвестного, актера Бориса Чиркова, писателя Константина Лапина.
2. Тревоги природы. Фонофильм А. Ларионова.
3. Из жизни летчика Каберова.
4. О литераторах. И литературе, которая нужна всему миру. Говорит А. М. Горький.
5. Музыкальные шедевры. Фрагмент второго действия оперы Бизе «Кармен». Кармен — Г. Бамбри, Хозе — Д. Викерс. Дирижер фон Караян.
6. Мир поет об Октябре. Фадо М. Руэла на стихи М. Алегре «Октябрь»; «Когда рассвет, товарищ» — музыка П. Мориа, стихи Г. Бонера. Поют: Луиза Башто (Португалия), Мирей Матьё (Франция).
7. Музыка и слова народные. «Нана» (Колыбельная), «Мравалжамьер» (Многие лета), «Цженоснури» (Походная). Исполняют: вокальный ансамбль Тбилисской консерватории, сестры Ишхнели, хор и ансамбль народной песни Грузии.
8. Два романа на стихи А. С. Пушкина «Муза». Романс С. Рахманинова исполняет З. Долуханова, ф-но Б. Козель; романс Н. Метнера — Э. Шварцкопф и автор.
- 9—10. Кабачок 33½ оборота.
11. Поет Елена Камбурова. Песни Н. Матвеевой и Л. Ивановой.
12. Михаил Яншин. Раздумья о грустном.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой
странице обложки:
К. Петров-Водкин,
«Петроград. 1918 г.»

На четвертой
странице обложки:
литературная
панорама
«Кругозора».
Волга-матушка река.

Фото
А. Моклецова.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
В. Шапов
Технический
редактор
Л. Петрова.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны
редакции:

В 3-73-94, В 3-74-59.

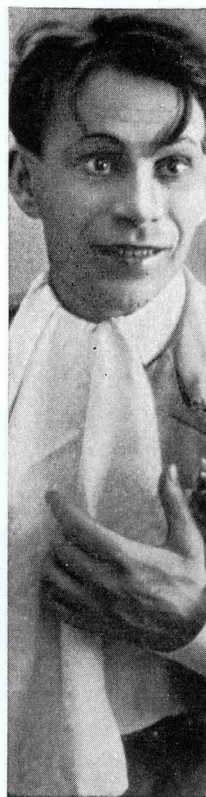
В 03305. Подп. к печ.
15/II 1968 г. Формат
бумаги 84×108¹/₁₆.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 67. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда»
имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

ЛИШНИЙ СМЕХ

Из устных
рассказов
народного
артиста СССР
Михаила
Яншина

НА ОСТРИЕ НОЖА

Перед постановкой «Дней Турбинных» меня встретил в коридоре Лужский — замечательный артист, один из руководителей труппы МХАТ — и сказал: «Вот вам, голубчик, и экзэмен на чин». Роль Ларискина была моей первой крупной работой в Художественном театре. На этой пьесе «экзэменовалась» вся наша тогда молодая команда — Хмелев, Соколов, Прудкин, Добронравов.

Станиславский, посмотрев спектакль (режиссировал Суданов), прослезился. В его словах: «Ну что ж, мне здесь делать нечего» — мы услышали высшую похвалу. Но за день до премьеры было решено несколько изменить последний акт, и

Константин Сергеевич сам вступил в работу.

Первая сцена была моей. Неожиданно Станиславский предложил мне ввести ряд смешных трюнов. Я не согласился. Константин Сергеевич был жесток на репетициях, он был просто тираном. И вдруг бунт! И кто взбунтовался? Мальчик!

Я защищал лирическую сторону роли: «Ларисик только что объяснилась Елене в любви, и она ему отказала».

Станиславский не принял этого: «Он молодой человек, через полчаса он забыл об отказе!»

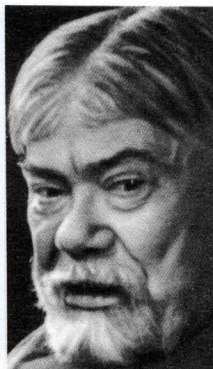
Кончилась репетиция — я был в отчаянии. Ясно: больше мне в театре делать нечего... Ночь я не спал. Назавтра просмотр спектакля. Си-

ет сегодня больше, чем надо? Может, стараетесь смешить? Помните, лишний смех зрителей убивает атмосферу акта: гибель семьи, гибель турбинского дома. Вы чувствуете, что находитесь на острие ножа? Немножко вправо — переиграли, немножко влево — недоиграли. Вот, берегите это самое острие».

Фото
И. Александрова

снова и снова мы репетировали первый акт. Начинались репетиции в одиннадцать часов, старые актеры приходили обычно раньше. Владимир Иванович — всегда строго в назначенный срок. Но вот однажды идет третья минута двенадцатого — его нет, пятая... Стали беспокоиться. Пятнадцать минут — нет.

жу в уборной, гримируюсь. Стук в дверь. И вдруг вижу в зеркале — за моей спиной Станиславский. Я вскочил. «Садитесь, продолжайте», — и садится рядом со мной на диванчик.

Ну как гримироваться в присутствии льва с раскрытой пастью? Молчу. И он молчит. Потом привычно так откашлялся: «Вот что, я скажу вам нечто важное. Все, что я вчера говорил, — чепуха».

От неожиданности я стал что-то возражать. «Слушайте меня, — гаркнул он, — играйте по-своему. Ну, ни пуха ни пера!» И ушел.

Почти каждый спектакль Станиславский следил за нами. Выходя со сцены, я попадал прямо к нему в лапы. «Что случилось? — спрашивал он. — Почему публика принима-

ТРУДНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

В 1924 году Художественный театр, вернувшись из Америки, решил возобновить постановку «Ревизора».

Начали репетировать: Чехов — Хлестаков, Москвин — Городничий. В спектакле были заняты Леонидов, Лужский, Книппер. Мне дали Добчинского. Помню, что Владимир Иванович Немирович-Данченко все был недоволен началом.

— Самое трудное, — говорил он, — сыграть неожиданность. Всегда актеры реагируют чуть раньше или чуть позже.

Пробовали входить с этой фразой: «Я пригласил вас, господа...» Пробовали сидеть, пробовали стоять. Начала не получалось. И вот

Позвонили домой. Говорят, давно ушел. Следовательно, произошло что-то в дороге!

Наконец бежит помощник режиссера: пришел Владимир Иванович! Он вошел в репетиционное помещение встревоженный, вытер лицо платком, попросил его извинить за опоздание. Затем после некоторой паузы сказал, что его вызывали в Наркомпрос, чтобы сообщить о закрытии театра.

Воцарилась мертвая тишина. У Леонидова сделалась такой глаз, что казалось, сейчас он схватит стул и разнесет все кругом. Помню лица Москвина, Лужского...

— Ну, вот, — сказал довольный Владимир Иванович, — навсегда запомните это ощущение. Вот оно, начало первого акта.

*...Смотришь и думаешь, что
не может быть на земле столь
просто и ласково красивых
мест, каковы эти вот — тихие
берега реки.*

М. Горький

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА «КРУГОЗОРА»

Цена 1 руб.

